

УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ТУРКЕСТАНЕ И ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ НАЦИЙ

*Абдукаюм Абдукадиров,
доцент АФ НИТУ МИСИС, к.и.н.*

Период с 1917 по 1924 год стал для всей территории современной Центральной Азии периодом резкой и достаточно болезненной ликвидации консервативных политических и социально-культурных институтов. Октябрьская революция 1917 года породила в регионе процессы, в которых сложным образом сплелись борьба классов, национальные амбиции и революционные мечты. Процесс формирования большевистской власти в Туркестане сопровождался ожесточенным сопротивлением со стороны мусульманской буржуазии, различных консервативных религиозных кругов, а также попытками создать альтернативные, самостоятельные формы власти. Ключевыми в этот период были события, связанные с Кокандской автономией, джадидским течением, национально-освободительным движением и становлением республиканских институтов. Именно в 1917–1924 гг. были заложены основы тех государственных границ, которые впоследствии стали границами союзных республик СССР.

Использование комплексного подхода к источникам – сочетание официальных документов, публицистики и воспоминаний – позволило реконструировать многоплановую картину процессов 1917–1924 гг. и выявить противоречия, характерные для политики большевиков в Туркестане.

В качестве источника использовалась брошюра под названием «К истории революции в Бухаре», написанная в 1926 г. Файзуллой Ходжаевым. В ней он попытался дать «объективную» оценку

джадидскому движению. Эта брошюра была частично ответом А. Икрамову, который назвал джадидов защитниками интересов «национальной буржуазии», и частично С. Айни, который выпустил книгу «Материалы к Бухарской революции» в 1922 г. и с позицией которого он не соглашался. С. Айни пытался «примирить» джадидизм с большевизмом, а Ф. Ходжаев принципиально не соглашался с ним, доказывая, что джадидизм был идеологией городской буржуазии и ничего общего с большевизмом у него нет. Ходжаев утверждал, что «внутри» джадидизма было «левое» течение, которое, отделившись от джадидов, слилось с большевизмом и приняло его идеологию.¹ Ходжаев в своей брошюре не рассматривает джадидизм как единое целое; он видит его как «мозаику», которая в разные исторические эпохи меняла свою идеологию и тактику.

В зарубежной научной литературе указывается на значимость Кокандской автономии в качестве политического символа пробуждающегося национального движения. Например, историк Адиб Халид пишет: «Кокандская автономия возникла как политическая реакция на захват власти большевиками. Это было не консервативное или антимодернистское движение, а скорее мусульманский националистический проект, ориентированный на поиск альтернативного пути развития современности, основанного на исламской легитимности и представлении интересов общин. Насильственное подавление автономии стало глубокой травмой для представителей центральноазиатских реформаторов»².

Таджикские исследователи также делают акцент на неоднородность в рядах сопротивления, сформировавшегося против новых властей: «Противостояние вооруженных сил советской политике, особенно в

¹ Алимджанов Б.А. История и идеология бухарского джадидизма в контексте взглядов и личности Файзуллы Ходжаева // Новое прошлое. 2019. № 1. С. 153–170.

² Khalid A. Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR. Ithaca: Cornell University Press, 2015. P.113

южных и восточных районах Средней Азии, носило не только политический и идеологический характер, но и выступало как движение в защиту традиционных ценностей и уклада местной жизни. Эти силы состояли в основном из туземцев и представителей имущих социальных слоев, которые с созданием новой власти увидели, что их влияние и имущество находятся под угрозой: беков, религиозных деятелей, торговцев и представителей влиятельных кланов».³

Американский историк Адеб Халид в своих работах подчёркивает, что большевистская идеология вступила в конфликт с джадидским проектом реформы общества, основанным на исламских ценностях:

«Для большевиков джадиды проявляются как националистическая и религиозная сила, которая не доверяет ответственности за преобразование общества. Самая концепция мусульманской реформы, даже если бы она содержала прогрессивные элементы, была бы недопустима, если бы не марксистская идеология. Таким образом, к середине 1920-х годов большинство джадидов были исключены из общественной жизни».⁴ В другом труде он отмечает:

«Советский проект вытеснил тех реформаторов, которые стремились изучить свои идеи в рамках исламских традиций. Многие из них были объявлены «буржуазными националистами», а их работа была исключена из общественной жизни. К 1924 году джадидское движение как организованная структура фактически ограничило свое существование».⁵

Формирование современных наций в Центральной Азии в первые годы советской власти представляет собой комплексный и

³ *Набиева Р.* и др. Таърихи халқи тоҷик дар асри XX ва ибтидои асри XXI. Душанбе: Ирфон, 2009. С. 92-94

⁴ *Khalid A.* Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR. Ithaca: Cornell University Press, 2015. P.134

⁵ *Khalid A.* The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia. Oxford: University of California Press, 1999. P.291-293

неоднозначный процесс, в котором соединились элементы социального конструирования, этнической и культурной мобилизации, а также административного вмешательства со стороны центральной власти. Период с 1917 по 1924 годы стал решающим в переходе от имперской системы управления окраинами к национально-государственному проекту, реализованному в рамках логики концепции «социалистического нацстроительства» В.И. Ленина.

В этом ключе особый интерес представляет события, произошедшие в Коканде. Одной из первых форм организованного политического сопротивления советской власти в Центральной Азии стала Кокандская автономия, провозглашённая на IV Чрезвычайном краевом мусульманском съезде в декабре 1917 года. Это движение смогло объединить вокруг себя не только представителей национальной интеллигенции, духовенства, но и торгово-ремесленного слоя.

«Автономия Туркестана была образована на съезде в Коканде 11 декабря 1917 г. Её организаторы заявили о необходимости автономного мусульманского управления на основе парламентаризма и уважения к исламским традициям. Возглавили её Мунаввар Кари Абдурашидханов и М. Шокай. Автономия просуществовала 72 дня и была жестоко подавлена красногвардейскими частями в феврале 1918 г.»⁶

Как подчёркивает Ф. Бобоев, политическая модель, предложенная лидерами автономии, сочетала идеи турецкого парламентаризма, мусульманского самоуправления и федеративной связи с Россией: «11 декабря 1917 года на 4-м мусульманском съезде в Коканде было провозглашено Туркестанское Мусульманское Временное Правительство – Кокандская автономия. Это движение стало новым

⁶ Алкин И.И. Установление Советской власти в Средней Азии. Ташкент: Изд-во УзССР, 1967. С.75-78

этапом национально-демократической борьбы в Туркестане и первым шагом на пути к созданию независимого государства».⁷

Однако Советская власть отказалась признать эту автономию и в феврале 1918 года организовала её военное подавление с участием сил РККА и международных отрядов. По данным некоторых историков, в ходе штурма Коканда и последующих расправ могло погибнуть несколько тысяч человек. Хотя до сих пор не имеется одинаковой точки зрения по точному числу жертв, печальные последствия этих событий имели долгосрочный эффект. «Против населения, поддерживавшего автономию, была применена военная сила. Город Коканд подвергся артиллерийскому обстрелу, в результате чего погибло множество мирных жителей. Эти события посеяли в сознании народа недоверие к советской власти».⁸

Впоследствии, можно проследить, что ликвидация Кокандской автономии не только на корню уничтожила первую форму мусульманского самоуправления, но и стала причиной порождения длительного сопротивления, выраженных в формах военного противостояния и усилении национального самосознания.

После ликвидации Кокандской автономии большевики начали усиленно и разными насильственными в том числе, распространять власть Советов на территории Туркестана. Однако в условиях острой социальной, этноконфессиональной и культурной трансформации эта политика встретила сопротивление, которое вскоре вылилось в масштабное военное движение.

Характер сопротивления был многофакторным: оно объединяло экономически разорённых крестьян, представителей традиционного духовенства и беков, родоплеменную знать, а также антисоветски

⁷ Бобоев Ф.С. XX аср 20–30-йилларида ўзбек халқи мустақиллик учун кураши тарихи ва тарихшунослигидан // Ўзбекистон тарихи. 2020. № 3. С. 45–57.

⁸ Бобоев Ф.С. Ўзбекистон ССРда совет тузумига қарши қуролли ҳаракат (1925–1935 йй.): Автореф. диссертации на соискание степени PhD по истории. Ташкент, 2019. 35 с.

настроенную интеллигенцию. Как подчёркивает таджикский историк Р. Набиева:

«Басмаческое (в таджикской историографии по настоящее время применяется данное понятие – А.А.) движение не было однородным: оно включало крестьянскую самооборону, религиозные братства, феодалов, а также дезертиров из Красной армии. Общее у них было одно – отторжение большевистского насилия и навязанных структур. Басмачи в Гиссаре, Дарвазе, Бухаре и Хорасане сопротивлялись новому порядку не только вооружённо, но и через сохранение прежних исламских и родоплеменных институтов».⁹

Важной причиной роста недовольства местного населения стала разрушительная политика по отношению к существующим религиозным и культурным институтам. Как подчёркивает Ф. Бобоев: «В годы советской власти политика, направленная на полное преобразование общества и сопровождавшаяся различными формами насилия над священными обычаями, традициями, религией и культурой народа, вызвала гнев в сознании людей. Это, в свою очередь, привело к возникновению движений сопротивления»¹⁰.

Борьба с басмачеством со стороны советской власти включала как военные, так и административные меры: создание специальных частей, проведение карательных операций, контроль над транспортом и продовольствием. Советская власть в Узбекистане воспринимала «басмачество» не только как вооружённое сопротивление, но и как «враждебную идеологию», подрывающую основы революционного порядка. Как подчёркивает Ф.С. Бобоев, борьба против басмачества велась «не только оружием, но и словом» – через систему партийной пропаганды, мобилизацию молодёжи и демонстрацию культурных

⁹ Набиева Р. и др. Таърихи халки тоҷик дар асри XX ва ибтидои асри XXI. Душанбе: Ирфон, 2009. С. 94

¹⁰ Бобоев Ф.С. Ўзбекистон ССРда совет тузумига қарши қуролли ҳаракат (1925–1935 йй.): Автореф. диссертации на соискание степени PhD по истории. Ташкент, 2019. 35 с.

достижений новой власти: «Проводилась активная агитация через комсомольские организации, создавались кружки, клубы, ячейки советской молодёжи, призванные вести борьбу с “невежеством и религиозным мракобесием»¹¹.

Идеологическая обработка населения через печатные и передвижные средства пропаганды стало отдельным, одним из ключевых направлений политики большевиков. В журнале Коминтерна отмечалось: «Для просвещения масс в отдалённых районах активно использовались агитпоезда, передвижные киноустановки и специальные мусульманские инструкторы».¹² Например, агитпоезд «Красный Восток» в 1920 году курсировал в Туркестане и за август – сентябрь того года отпустил просветительным учреждениям и общественным организациям Ташкента, Ходжента, Коканда, Ферганской долины и других населённых пунктов Средней Азии 179 библиотек и около 17 тыс. книг.

Активное противостояние с повстанцами затянулось вплоть до 1924 года, а в отдалённых районах Восточной Бухары вооружённые столкновения с несогласными возникали вплоть до конца 20-гг. Только с проведением национально-территориального размежевания и формированием республиканских границ, а также со стабилизацией управления на местах, вооружённое сопротивление постепенно пошло на спад, на местах Власть Советов окончательно и бесповоротно укрепилась. К власти на местах уже приходили кадры, формировавшиеся не на идеологии национальной идентичности как джадиды, а воспитанные в духе коммунистического интернационала.

Джадидизм, возникший в конце XIX – начале XX века как движение за реформу мусульманского образования и общества, был не только культурным, но в первую очередь политическим явлением. Его

¹¹ См. Там же

¹² Суздальцев И.А. Страны Центральной Азии в политике Коминтерна и журнале «Коммунистический Интернационал» в 1920 г. // Mongolica. 2021. Vol. XXIV. No. 3. С. 101–118.

сторонники выступали за модернизацию традиционных институтов, внедрение новых методик обучения и ослабление религиозного консерватизма, что отражало стремление мусульманских элит к обновлению и интеграции в современный мир. После Февральской и Октябрьской революций 1917 года джадиды активно искали пути оптимального взаимодействия с новыми властями, рассматривая большевиков в качестве потенциальных партнеров в борьбе против царской России и местных реакционеров. В первые месяцы после революции лидеры джадидизма воспринимали сотрудничество с большевиками как реальную возможность добиться социальных и культурных реформ без повторения внешнего колониального давления, которое они связывали с царской Россией и иностранными империями. Хотя и самая среда джадидского движения была довольно неоднородной. «Джадидское движение либеральной буржуазии не выходило за рамки конституционных методов. Несколько более решительными были джадиды Бухары и Хивы, но и они не шли дальше конституционной монархии и ряда буржуазных реформ».¹³

Туркестанские джадиды ясно осознавали, что просвещением масс можно спасти страну от отсталости и раздробленности, поэтому они в начальном этапе сосредоточили свои основные усилия на создании новометодных школ (мактаби усули жадид), совершенствовании их содержания и формы. Новые школы были поддержаны растущими богатыми предпринимателями и прогрессивной интеллигенцией Туркестана. Эти школы были начальными учебными заведениями, где обучение длилось четыре или шесть лет. Первоначально (за счет средств Хусайнова) в 1893 году в Самарканде, в 1898 году в Коканде Салохиддин домла, в том же году в Токмаке, а в 1899 году в старом

¹³ Шамсутдинов Р.Т. К вопросу об особенностях становления и развития Советов в Средней Азии и Казахстане (1917–1925 гг.) // История СССР. 1985. № 5. С. 42–58.

Ташкенте Мунаввар Кори и в Андижане Шамсиддин домла основали джадидские школы. В 1900 году в Бухаре Джурабой кори основал школы нового типа. В 1903 году Махмудходжа Бехбуди за свой счет открыл аналогичную школу в Джамбае. Джадиды Хаджи Муин и Шакури лично преподавали в этой школе»¹⁴.

Уже в 1919–1920 гг. отношение советской власти к джадидизму стало резко негативным. Их школы и учебные программы были признаны «буржуазно-националистическими», подлежащими национализации и идеологическому переформлению.

Большевики, пришедшие к власти после Октябрьского переворота, сразу же выступили против джадидов, потому как идеи просветителей о независимости, свободе и равенстве не соответствовали интересам не только царских чиновников, но и коммунистической идеологии большевиков. Поэтому советское правительство преследовало представителей джадидов, отказавшихся служить его интересам, оказывая на них физическое и моральное давление. В то же время оно пыталось хитростью посеять раздор между группами, возникшими среди джадидов. Характерно, что советские историки стремились доказать связь джадидского движения с процессом формирования буржуазии. Это привело к искажению научной истины об истории джадидов.¹⁵

Уже в начале 1920-х годов лидеры движения, такие как Абдурауф Фитрат, Абдурашидханов, Валидов и др., подверглись сначала идеологической критике, а потом административному отстранению и репрессиям, многие из них были просто физически устранены. Таким образом, к концу 1924 года джадидизм как политико-культурное течение был подавлен, а его активисты – либо вытеснены из жизни, либо уничтожены в рамках кампаний против «нацдемов» и «панисламистов».

¹⁴ Ўзбекистоннинг янги тарихи. Биринчи китоб: Туркистон чор Россияси мустамлакачилиги даврида / Тузувчилар: Содиқов Х., Шамситдинов Р., Равшанов П. ва бошқалар. Тошкент: Шарк, 2000. 169 -170 б.

¹⁵ Амридинова Д. Самарқанд жадидчилиқ мактаби. Тошкент: Наврўз нашриёти, 2017. 240 б.

Советская власть в Средней Азии активно проводила политику коренизации и начала формировать новые национальные институты. Как подчёркивает российский исследователь А.Р. А. Дюков: «Суть советской этнотерриториальной модели заключалась в том, что территориям придавались признаки и названия, символически соотнесённые с конкретными этническими категориями, вне зависимости от фактической этнической структуры населения»¹⁶.

К 1924 году в Средней Азии были предприняты первые системные шаги к национально-территориальному размежеванию. Этот процесс стал кульминацией курса на создание новых форм советской государственности, основанных на этническом и языковом принципе. Основной задачей являлось превращение территорий, ранее входивших в состав Туркестанской АССР, Хорезмской и Бухарской народных республик, в национальные административные единицы, соотнесённые с титульными этносами. В результате были образованы Узбекская ССР и Туркменская ССР как союзные республики, а также Таджикская АССР в составе Узбекской ССР.

Хотя административное размежевание сопровождалось конфликтами и спорами на разных уровнях по поводу этнических и государственных границ, оно стало важным этапом в институционализации новых наций и формировании этноцентричных моделей государственности, которые позже оформились в рамках союзных республик. Данный процесс сопровождался созданием национальных наркоматов, печатных изданий на национальных языках, а также широким вовлечением местных кадров в органы власти и управления.

Советская власть в регионе строилась через массовое создание Советов, в том числе на первых порах и мусульманских. Как отмечается:

¹⁶ Дюков А.Р. Советская система этнотерриториального устройства как фактор дезинтеграции СССР. М.: Фонд исторической перспективы, 2010. 240 с.

«Советы мусульманских депутатов (муссовдепы) объединяли не только рабочих, городскую бедноту, но и мелкую буржуазию, байские, буржуазно-националистические элементы. Это была одна из особенностей развития революционного движения в Туркестане. Муссовдепы, особенно в начале, выступали как инструменты интеграции, но уже к 1920 году большинство из них было подчинено партийным структурам. Тем не менее, как подчёркивает Р.Т. Шамсутдинов, «именно участие мусульман в советских органах обеспечивало устойчивость власти на местах на начальном этапе».¹⁷

Эту линию усиливали и международные структуры, прежде всего Коминтерн, где в 1920 г. уже ставилась задача усиления идеологической работы в мусульманских районах. Как отмечалось в докладе, опубликованном в журнале «Коммунистический Интернационал»: «Особенностью агитации в Туркестане стало соединение лозунгов равенства народов и поддержки ислама как формы национального самоопределения, что использовалось для привлечения широких масс к Советам».¹⁸

Период 1924 года стал кульминацией процесса «упорядочивания» этнической карты региона. При этом этнотерриториальный подход к нацстроительству использовался как инструмент политического управления, но он также закладывал основы будущих межэтнических напряжённостей. Как указывает Шамсутдинов, «советская политика в регионе сочетала элементы социальной модернизации и этнической мобилизации. Но, «несмотря на декларации, фактическое участие местного населения в

¹⁷ Шамсутдинов Р.Т. К вопросу об особенностях становления и развития Советов в Средней Азии и Казахстане (1917–1925 гг.) // История СССР. 1985. № 5. С. 131-139

¹⁸ Суздальцев И.А. Страны Центральной Азии в политике Коминтерна и журнале «Коммунистический Интернационал» в 1920 г. // Mongolica. 2021. Vol. XXIV. No. 3. С. 116.

принятии решений было минимальным – ключевые параметры будущих республик определялись в Кремле».¹⁹

Однако современные исследования, в частности работа Адиба Халида, предлагают более сбалансированную трактовку. Он подчёркивает, что: «...Национально-территориальное размежевание было инициировано советской властью, но проводилось местными кадрами, сыгравшими важную роль в определении как условий поставленной задачи, так и конечной цели. Именно партийное руководство на местах принимало ключевые решения после обсуждения на республиканском уровне».²⁰

Халид также обращает внимание на то, что национальные категории не были искусственно навязаны центром. Напротив, они возникли из предреволюционного национального дискурса и были вначале подхвачены местной интеллигенцией: «Национальная идея появилась в Средней Азии ещё до революции и была с энтузиазмом воспринята местной интеллигенцией. Коммунисты Средней Азии вели интенсивные споры по вопросу национального размежевания, отстаивая свои собственные интересы. Национальное размежевание стало кульминацией достижений местных коммунистов коренных национальностей».²¹

Формирование республик сопровождалось и внутренними напряжённостями. Как подчёркивается в исследованиях о национально-освободительном движении, недовольство социальной и культурной политикой большевиков (включая секуляризацию и аграрные реформы) нередко выливалось в вооружённое сопротивление. При этом советская власть не делала различий между социальными протестами и

¹⁹ Шамсутдинов Р.Т. К вопросу об особенностях становления и развития Советов в Средней Азии и Казахстане (1917–1925 гг.) // История СССР. 1985. № 5. С. 131-139

²⁰ Khalid A. Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR. Ithaca: Cornell University Press, 2015. P.134

²¹ См. Там же

«национализмом», подавляя оба как контрреволюционные. В регионах, таких как Восточная Бухара, борьба была особенно ожесточённой.

Как пишет Ф. Бобоев, «движение против советской власти в Узбекистане в 1925–1935 гг. имело не просто реакционную, а комплексную природу, в которой сливались религиозное сопротивление, антиколониальные чувства и неприятие насильственной модернизации»²².

Процесс формирования современных среднеазиатских наций в 1917–1924 гг. был не спонтанным, а управляемым сверху – с элементами местного сопротивления и компромисса. Советская власть, декларируя право наций на самоопределение, фактически создала, частично заново «пересоздала» нации, определив их языковые, территориальные и культурные параметры. Как подчеркивается в исследовании «Советский проект. 1917–1930-е гг.», «формирование республик стало важнейшим инструментом создания новых идентичностей, но одновременно – и переноса скрытых конфликтов в легальную плоскость этнической политики».²³

Стоит подчеркнуть, что советское нацстроительство в Центральной Азии представляет собой пример административного моделирования этничности XX века, при котором исторические, лингвистические и культурные различия были систематизированы и институционализированы в форме союзных и автономных республик. Этот процесс оказал долговременное влияние на межэтнические отношения, политическую карту региона и современное национальное самосознание народов региона.

²² Бобоев Ф.С. XX аср 20–30-йилларида ўзбек халқи мустақиллик учун кураши тарихи ва тарихшунослигидан // Ўзбекистон тарихи. 2020. № 3. С. 49.

²³ Брусин Д.В. Политика советской власти в национальном вопросе: между интернационализмом и этничностью // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации. Сборник трудов. Екатеринбург, 2018. С. 109.

С первых лет после Октябрьской революции политика Советской России в Центральной Азии вызывала пристальное внимание как со стороны соседних восточных стран, так и европейского сообщества. Причины интереса были как идеологическими, так и геополитическими, потому как регион европейцами рассматривался как буферная зона между британской Индией и советской Россией, а также как плацдарм для возможного распространения революции в исламский мир.

Уже в 1920 году международные коммунистические круги, включая Коминтерн, активно продвигали тезис о революционном потенциале мусульман Востока. В журнале «Коммунистический Интернационал» подчеркивалось: «Наша задача – не только пробудить Восток, но и вооружить его идеей советской власти. Туркестан, Бухара и Хива – первые примеры социалистической трансформации мусульманских обществ, которые должны послужить образцом для других стран Востока»²⁴

В то же время англо-американские круги рассматривали большевистскую активность в регионе с тревогой. Как свидетельствуют публикации в британской прессе 1920-х годов, создание «народных республик» в Хиве и Бухаре расценивалось не как прогрессивное преобразование, а как установление «марионеточных», подконтрольных красной России режимов. Эти оценки подтверждаются и в западной научной историографии: «Западные аналитики рассматривали советское присутствие в Центральной Азии как неокOLONиальную модель, замаскированную под интернационализм. Особую тревогу вызывала экспансия в районе Амударьи, близко подходящем к британским интересам в Персии и Афганистане».²⁵

²⁴ Суздальцев И.А. Страны Центральной Азии в политике Коминтерна и журнале «Коммунистический Интернационал» в 1920 г. // *Mongolica*. 2021. Vol. XXIV. No. 3. С. 111

²⁵ *Penati B.* The Reconquest of East Bukhara: The Struggle Against the Basmachi as a Prelude to Sovietization // *Central Asian Survey*. 2007. Vol. 26. No. 4. Pp. 521–538.

Беатрис Пенати подчёркивает, что в международных наблюдениях широко распространялась идея о «советском наступлении на ислам» под видом культурной революции: «Западные дипломаты сообщали о насильственном закрытии медресе, реформе хиджаба и конфискации вакуфных земель. Всё это представлялось как доказательство репрессивной и антирелигиозной сути большевистской власти».²⁶

Также и в мусульманском мире восприятие советской политики было двойственным. С одной стороны, энтузиазм вызывали антиколониальные лозунги и провозглашённое равенство народов, с другой – жестокое подавление повстанчества и джадидизма воспринималось как борьба против исламской идентичности. Как отмечает американский исследователь Гленда Фрейзер: «Советский эксперимент в Центральной Азии рассматривался либо как вдохновляющий пример социального прогресса, либо как новый виток угнетения под красным флагом».²⁷

Критика исходила также и из восточноевропейской мусульманской эмиграции. Один из наиболее влиятельных голосов – узбекско-турецко-немецкий историк Боймирза Хайит – писал о советском национальном строительстве в Центральной Азии как о форме колониального передела. По его мнению, «советская национальная политика в Туркестане была направлена не на освобождение народов, а на их разобщение и подавление исламской идентичности».²⁸

Таким образом, международная реакция на советскую политику в Центральной Азии в 1917–1924 гг. варьировалась от идеологической солидарности в рамках Коминтерна до резкой критики и отторжения со стороны западных наблюдателей и мусульманских стран. Эти оценки

²⁶ Там же.

²⁷ Fraser G.B. Basmachi-I // Central Asian Survey. 1987. Vol. 6. No. 1. Pp. 1–73; Basmachi-II // Central Asian Survey. 1987. Vol. 6. No. 2. Pp. 7–45

²⁸ Hayit B. Turkestan im 20. Jahrhundert. Köln: Dürer Verlag, 1956. 420 S.

способствовали формированию устойчивых сюжетов и представлений о «советском вмешательстве» в исламский Восток, которые сохранялись и в более поздней историографии.

Период 1917–1924 годов стал временем глубоких трансформаций в Центральной Азии. Установление советской власти сопровождалось жестким подавлением альтернативных моделей власти, ликвидацией национального и религиозного сопротивления и одновременным формированием основ будущей этнополитической карты региона. Национально-территориальное размежевание стало итогом этого бурного периода – но сам проект советской нации оказался продуктом насильственной модернизации, совмещающей административную централизацию с номинальным признанием этничности. Именно в эти годы была сформирована модель «советской нации» – инструментальная и идеологическая конструкция, последствия которой ощущаются и сегодня.

